

Турыгин А.А., кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной
университет (Россия)

ГУГЕНБЕРГ ПРОТИВ ЭРЦБЕРГЕРА: КРИТИКА ФИНАНСОВОЙ РЕФОРМЫ РЕЙХСМИНИСТРА В ВЕЙМАРСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОБРАНИИ

В статье речь идёт о критике финансовой реформы рейхсминистра Маттиаса Эрцбергера в Веймарском национальном собрании со стороны правых партий, выражавших интересы крупных собственников и промышленной элиты. Маттиас Эрцбергер, ставший министром в правительстве Бауэра и стремившийся создать централизованную налоговую систему в послевоенной Германии, натолкнулся на последовательную критику лидера радикального крыла фракции Немецкой национальной народной партии Альфреда Гугенберга, пангерманца, опытного финансиста и бывшего руководителя концерна Friedrich Krupp AG. Предметом критики Альфреда Гугенберга, желавшего сделать политическую карьеру, стали проекты законов о социализации и чрезвычайном налоге, вынесенные на рассмотрение депутатов Национального собрания. Сопровождавшаяся резкими выпадами и широким общественным осуждением кампания против Маттиаса Эрцбергера закончилась отклонением части проектов рейхсминистра и последующей отставке. Анализ опубликованных политических речей Альфреда Гугенберга и материалов периодической печати проливает свет на специфику парламентских дискуссий, позволяя выявить аргументы правых против продолжения демократизации Веймарской республики в первые годы её существования. Критика финансовой реформы Эрцбергера рассматривается на фоне парламентских дебатов в Национальном собрании Веймарской республики.

Ключевые слова: Альфред Гугенберг, Маттиас Эрцбергер, чрезвычайный налог, закон о социализации, Немецкая национальная народная партия, партия «Центра», Веймарская республика, Национальное собрание, выборы.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-128-140

В 1920 году в небольшом, но очень известном берлинском издательстве *Karl Curtius Verlag*, специализировавшемся на выпуске научно-популярной литературы, была опубликована брошюра, детально освещавшая позицию депутата Веймарского национального собрания *Альфреда Гугенберга* (1865-1951) в споре с рейхсминистром финансов *Маттиасом Эрцбергером* (1875-1921) [19]. Недовольство правых партий и имущих слоёв собрания вызвала налоговая реформа Эрцбергера, «заставившего раскошелиться всех дельцов, нажившихся на войне» [2, с. 129]. Апогеем возмущения стало введение в декабре 1919 года имперского чрезвычайного налога на имущество, который был частью «плана по перераспределению средств между богатыми и бедными слоями населения» [2, с. 129]. Эрцбергера обвинили в том, что он был финансовым агентом

врагов рейха, стремившихся выжать из немецкого народа все деньги в пользу стран-победительниц. Разразилась язвительная кампания публичных разоблачений против него во главе с Карлом Гельферихом, бывшим вице-канцлером и финансовым экспертом при Вильгельме II. Гельферих считал Эрцбергера личным врагом, желавшим укрепить основы республики, которая так внезапно «прервала его (Гельфериха – *авт.*) столь блестяще начавшуюся при империи карьеру» [3, с. 73]. Однако, вступив в Немецкую национальную народную партию (далее – НННП), Гельферих не сразу стал депутатом Национального собрания, поэтому, не имея возможности для громких обвинений с трибуны, вынужден был ограничиться партийной прессой. Депутатом рейхстага от НННП он стал только после июньских выборов 1920 года, пройдя туда от 21

избирательного округа «Гессен-Нассау» уже после нашумевшего судебного процесса (*Erzberger-Helfferich-Prozess*), продолжавшегося с января по март 1920 года [2, с. 138-139]. Центром оппозиции Эрцбергеру в Национальном собрании становится радикальное крыло фракции НННП, возглавляемое Гугенбергом.

Недовольство правых рейхсминистром подогревал раскол в его собственной партии Центра, руководство которой по сути отказалось поддерживать Эрцбергера. Так, Хайнц Браувайлер (1885-1976), который был членом «Июньского клуба» [1] и шеф-редактором *Düsseldorfer Tageblatt*, издания правого крыла партии, в ответ на усилившуюся критику фракции Центра в Национальном собрании, отверг все упрёки, предположив, что существующая диспропорция между прессой и партией не является причиной плохих результатов выборов. Напротив, вину следует возложить исключительно на Эрцбергера, который своими политическими усилиями в одиночку вверг не только Центр, но и всех немцев в целом в нынешний кризис [33, р. 76]. В вину Эрцбергеру вменялась не только его подпись под Компьенским перемирием 1918 года, но и последующая финансовая реформа. Хотя консерватор Браувайлер сохранил верность Центру, некоторые из его коллег (Макс Бухнер, Мартин Шпан, Эдуард Штадтлер) предпочли выйти из кажущейся слишком умеренной партии, вступив в более радикальную НННП (*Deutschnationale Volkspartei; DNVP*). В конечном итоге, защищая программу демократизации страны, которая не нашла полной поддержки у Центра, Эрцбергер стал аутсайдером в своей же партии. Программа финансовых реформ в глазах коллег по партийной фракции выглядела слишком левой, а сам Эрцбергер казался слишком амбициозным и непреклонным: «Он был мужественным трибуном с исключительным умом и работоспособностью, но его откровенно властный

характер и отсутствие должного образования, создали ему имидж выскочки в глазах его коллег» [15].

Возникший ещё до войны правый консервативный лагерь, состоящий из множества конкурирующих партий, тайных обществ и организаций, усиленный крайним радикализмом послевоенных добровольческих солдатских корпусов – фрайкоров – в новых условиях стал почвой для формирования оппозиции веймарской демократии. Идеологические границы между открытым правым радикализмом и национальным консерватизмом, пережившим войну и монархию, зачастую были очень размыты. Своего рода легитимную платформу, объединившую правые силы, создала НННП, возникшая практически сразу после Ноябрьской революции 24 ноября 1918 года. Партия стала преемницей Немецкой консервативной партии (*Deutschkonservative Partei*), связав Свободную консервативную партию (*Reichs- und Freikonservativen Partei*) с Партией немецкого отечества (*Deutsche Vaterlandspartei*), а также рядом мелких национально-консервативных и антисемитских группировок. Став связующим звеном между старыми партиями кайзеровской Германии и новыми, возникшими в условиях новой веймарской демократии, по крайней мере до прихода к власти лидера радикального крыла Гугенберга в 1928 году, НННП осуществляла самостоятельную политику, представляя «последний бастион разумного консерватизма» [22, pp. 133-134]. С Гугенбергом во главе партия была реорганизована в единую и непримиримую силу националистической оппозиции, которая никогда больше не шла на компромисс с Веймарской республикой.

По результатам выборов в Национальное собрание в январе-феврале 1919 года НННП получила 10,3% голосов избирателей, заняв по их количеству уверенное 4-е место после социал-демократов,

католиков Центра и демократов. В правление собрания, в качестве одного из трёх вице-президентов, вошёл Герман Дитрих (1856-1930), а лидером партийной фракции стал силезский помещик и опытный политик Артур фон Посадовский-Венер (1845-1932). Центром радикального крыла фракции стал депутат от 19 избирательного округа «Вестфалия-Север» Альфред Гугенберг, направивший свою критику против партии Центра и её представителя - рейхсминистра финансов Эрцбергера¹. Как раз издательство Гугенберга *Scherl-Verlag* опубликовало стотысячным тиражом знаменитый памфлет Гельфериха «Прочь от Эрцбергера».

В одном из недавних исследований немецкий историк М. Шельхорн рассуждает о политических константах мышления Гугенберга и несогласии с политикой Центра [30]. По его мнению, критика Гугенбергом Центра исходила вовсе не из идеологического неприятия католицизма, хотя его единомышленники по Пангерманскому союзу, рассуждая в русле *völkisch*-мировоззрения, считали католиков Центра «врагами рейха», тесно сотрудничавшими с социал-демократами (Эмиль Кирдорф), и бесчувственными к национальной политике католиками-ультрамонтанами (Генрих Класс). Лидер пангерманцев Класс видел в качестве наиважнейшей задачи Союза «обеспечить распространение среди немецких католиков знания о том, что тот, кто принадлежит к Центру, является врагом Отечества» [30, р. 28]. Если слова Класса в определённом мере отражали тактическое видение, состоявшее в провокации раскола партии Центра с целью получения части голосов немецких

католиков для НННП [6], так называемом «пангерманском проекте» (В.Либе [24], М.Дёпп [14], В.Руге [29], В.Краббе [23]), то для Гугенберга неприятие Центра проистекало из опыта работы Поселенческой комиссии в польских провинциях Пруссии, членом которой он был с 1894 по 1899 год. Польский патриархально-корпоративный уклад, поддерживаемый католицизмом, Гугенберг считал опасным для политики германизации восточных областей рейха [30, pp. 27-28].

Как представляется, на Гугенберга оказало влияние ещё одно обстоятельство, связанное с намерениями Эрцбергера ввести чрезвычайный налог на богатство (*Reichsnotopfer*). Таким налогом, или единовременным имперским сбором, должны были облагаться материальные и реальные активы, банковские счета, дебиторские задолженности, ценные бумаги, акции, облигации, оборудование и недвижимость [18, р. 205] с варьирующей налоговой ставкой от 10 до 65% (для активов более 2 млн. марок). Требуемую сумму, соразмерно уровню дохода (налог относился к типу прогрессивных налогов), можно было внести сразу и полностью, а можно было в долгосрочной перспективе, взяв на себя долговые обязательства. Потребность в таком налоге обосновывалась необходимостью уплаты военной контрибуции.

После выхода из руководящего состава концерна *Friedrich Krupp AG* в конце 1918 года, Гугенберг оставался держателем солидного пакета акций. Финансовая реформа и, в частности, налоговый закон Эрцбергера могли причинить ущерб благосостоянию депутата Гугенберга, опасения которого усиливали события, связанные с

¹Томас Мергель выделяет как минимум три интеллектуальных центра партии: во-первых, «младоконсерваторы», выступавшие за возрождение консерватизма изнутри и национальное примирение; во-вторых, представители старой прусской помещичьей элиты, в некоторых случаях, государственные служащие и военные, не желавшие иметь ничего общего с республикой, но вынужденные с ней сотрудничать, поскольку видели в ней выражение идеи «государства»; в-

третьих, «прагматические группы», представлявшие в партии различные объединения по интересам, добивавшиеся конкретных целей (защита сельскохозяйственных тарифов, страхование по безработице и др.): Mergel T. Das Scheitern des deutschen Tory-Konservatismus. Die Umformung der DNVP zu einer rechtsradikalen Partei 1928-1932 // Historische Zeitschrift, 276 (1). pp. 323-268.

руководством концерна. Под давлением совета директоров летом 1919 года наследница «пушечного короля» Берта Крупп вынуждена была задуматься о выводе собственного капитала посредством продажи акций [28, р. 185], хотя уже в июне ситуация с концерном несколько стабилизировалась из-за заключения выгодного соглашения с Государственным управлением железных дорог. Это соглашение открывало концерну перспективу конверсии военного производства, хотя ситуация в целом оставалась достаточно нестабильной [4, с. 222].

Таким образом, заинтересованный лично и политически, Гугенберг, который был депутатом Национального собрания с февраля 1919 года, сконцентрировался на достаточно решительной критике налогового проекта Эрцбергера, ставшего министром финансов в кабинете Бауэра несколько месяцев спустя.

Представляя депутатам Национального собрания проект закона о введении чрезвычайного налога, Эрцбергер сделал громкое заявление о планируемом небывалом увеличении поступлений в казну, которые «должны были вырасти на 90% [...]; вместо довоенных 2 млрд. рейху надлежало собрать 17 млрд. марок» [12, р. 3356]. Этот проект он представил депутатам 12 июля 1919 года, а уже 14 июля он был опубликован в *Reichsanzeiger*. Проект несколько раз отправлялся на доработку, и, наконец, был одобрен после третьих декабрьских чтений 31 декабря 1919 года [11].

Декабрьские чтения оказались самыми оживлёнными, поскольку более ранние проекты закона сопровождалась преимущественно кабинетными обсуждениями в правительстве и министерстве финансов. Общественность могла следить за их развитием, так как сами проекты и комментарии экспертов публиковались в прессе.

9 декабря депутат Гугенберг выступил с пространной речью, обращённой к налоговой инициативе Эрцбергера. В доработанном виде она была опубликована в

небольшом берлинском издательстве несколькими месяцами спустя [19]. Являясь не только депутатом от НННП, но и одним из лидеров Пангерманского союза, Гугенберг в своей речи отразил общее видение социально-экономического развития Германии пангерманцами. Шоковая терапия ноябрьских революционных событий, заставших пангерманцев практически врасплох (ввиду отсутствия чёткого плана действий, руководитель Пангерманского союза Генрих Класс писал, что «выждать момент – для нас дело чести» [8, р. 258]), пробудила у них инстинкт самосохранения, выразившийся в структурной реорганизации по принципу усиления вертикали власти. Первый после революции съезд Пангерманского союза открылся не в революционном Берлине, а в баварском Бамберге 16 февраля 1919 года. Поскольку он не выработал чёткой и содержательной программы, ограничившись оценкой общего замешательства и резкой критикой в адрес «предателей и врагов рейха» [7, р. 197, 205, 253, 381, 402f., 429f.], Гугенберг в той же мере дал собственную оценку экономической политике, будучи к тому времени опытным экономистом и бизнесменом.

Тезисы опубликованной позже речи Гугенберга не передавали эмоционального окраса, которым сопровождалось его выступление в Национальном собрании. Некоторые детали, тем не менее, передаёт местная пресса.

Доктор Гугенберг: Чрезвычайный закон – полнейшее безрассудство! Если Вы (к Эрцбергеру) хотите привести немецкий народ в рабство, тогда позвольте врагу сразу оккупировать Рурскую область (Совершенно верно! Правильно! Шум слева).

Президентский звонок. Спикер пытается продолжить.

Вице-президент Хауссман: Когда он, наконец, успокоится? Прошу не мешать выступающему говорить.

Гугенберг пытается продолжить очень сильным голосом. Шум не стихает,

особенно со стороны социал-демократов. Кто-то кричит. Вице-президент Хаусман прерывает встречу на четыре часа.

[...]

Министр Эрцбергер: Предыдущий оратор обладает странным мужеством с трибуны расставлять ударения на словах в хорошо подготовленных речах.

От имени правительства мы ведём сложные переговоры. Я бы хотел видеть возмущение правых, если бы это делал кто-то другой (Бурное возмущение справа. Президентский колокольчик. Шум затихает).

[...]

Министр Эрцбергер: В законопроекте не сказано ни слова о том, что чрезвычайный налог должен быть выплачен уже через год. У всех на это есть 30 лет, у фермеров – 50 лет. Эти долги будут в бухгалтерских книгах, но фактически останутся в хозяйстве... Примите проект в его нынешнем виде в ближайшее время (Аплодисменты большинства).

Доктор Гугенберг: Я пока ещё не воспринимаю весь этот процесс трагически, и, конечно же, против оккупации Рурской области. Я только сказал, что политика Эрцбергера приведёт к этому уже в ближайшее время. И я уже давно считаю господина Эрцбергера предателем (Шум. Президент Ференбах призывает оратора к порядку) [10, р. 1].

Хотя обмен любезностями сопровождал почти каждое выступление Гугенберга и Эрцбергера, называвших друг друга «предателем» [19, р. 27] и «работоторговцем» [34, р. 125], анализ опубликованных речей позволяет увидеть один из главных аргументов Гугенберга против чрезвычайного налога, который состоял в том, что налоговая политика Эрцбергера выходит за рамки экономической целесообразности, затрагивая экспроприацию права собственности. По его мнению, у государства «больше нет кредита», на который, напротив, ещё могут рассчитывать «крупные, хорошо управляемые частные

компании» [19, р. 7]. Из этого следует, что «нельзя нарушать частную экономическую жизнь» таких компаний, «облагая их налогами» [19, р. 7].

Парируя Гугенбергу, Эрцбергер ссылался на необходимость государственного вмешательства в коллективные и частные экономические интересы, настаивая, что «великим налоговым сувереном может быть только Германский рейх» [16, р. 7], а его главная цель, как министра рейха, состояла в том, чтобы «добиться справедливости во всей налоговой системе» [16, Р. 5]. Заявление Эрцбергера отражало общую стратегию «быстрой и последовательной централизации финансовой и налоговой политики рейха» [31, pp. 543-544], недавно образованного финансового управления (*Reichsfinanzverwaltung*).

Ссылаясь на статью «своего старого учителя» [19, р. 3] Луйо Brentano, опубликованную несколькими днями раньше в *Berliner Tageblatt* [9, р. 1], Гугенберг говорит о связи налоговой реформы с разорением крупных компаний, вытекающим из этого окончательным обесцениванием национальной валюты и перспективе рабочей зависимости от врага: «Серьёзные опасения моих политических друзей по поводу так называемого чрезвычайного налога, который злое ще ослабит нашу экономическую и политическую позицию по отношению к врагу, нанеся новый ужасный удар по нашей экономической жизни, которая уже почти утонула» [19, р. 3].

Основываясь на анализе речей Гугенберга в Национальном собрании, можно полагать, что волну возмущения правых вызвал как раз чрезвычайный налог, в то время как причины финансовых реформ в целом оставались понятными. «Во-первых, сокращение нашего долга, во-вторых, определение баланса между доходами и задачами рейха и, в-третьих, поиск вариантов займа, - рассуждает Гугенберг, - эти цели понятны всем, но господин рейхсминистр и его друзья социал-демократы добавили к ним ещё

две; они хотят социализировать налог и учесть настроения народа, который якобы требует принятия чрезвычайного закона в предложенной ими форме» [19, р. 6].

О намерении провести социализацию крупной промышленности заявил рейхсканцлер Бауэр летом 1919 года. Понятие «социализации», пришедшее в политическую коммуникацию молодой республики из марксистской лексики, тут же вызвало отторжение у правых, хотя вряд ли кто-то до конца осознавал его значение: «Социализация – это слово, под которым каждый что-то понимает [...], им обозначают как конец эксплуатации рабочих, так и передачу крупных предприятий в собственность народа; никто не должен легко обогащаться за счёт труда других, а получать по результатам собственной работы» (1919) [13, Р. 366]. Гугенберг, выступивший против «веймарской коалиции» (Центр, СДПГ, НДП) и её тезиса о том, что «социализация быстрыми шагами приведёт к демократизации экономики» [36, Р. 75], дал понять, что «социализация и общественная экономика – чудесное средство для Антанты, с помощью которого можно передать в руки врага немецкую частную собственность, создав благоприятные условия для большевистского проникновения» [35, р. 571f]. Гугенберг говорил об этом ещё в марте, опубликовав небольшую брошюру [21]. По существу его позиция относительно социализации отражала партийную программу НННП: «Каждая жизнеспособная экономика построена на частной собственности и самоуправлении. Предпринимательство и индивидуальное желание приобретения прибыли – основа нашей экономики. Мы требуем, чтобы они оставались в рамках общего блага, и мы будем защищать их от открытого и скрытого коммунизма. Государственная и другая общественная экономика существует только там, где это необходимо широкой ответственности, демонстрируя явные экономические преимущества перед частным

капиталом. Во время глубоких экономических потрясений к планам социализации следует подходить с большей осторожностью, хотя, созданные на добровольной основе профессиональные и кооперативные объединения, несомненно, должны поощряться» [26, р. 534].

Для министра Эрцбергера социализация была способом введения в стране «справедливых налогов», которые были бы способны ликвидировать былое «различие между имущими и неимущими», «богатыми и бедными» [16, pp. 5-6]. С трибуны Национального собрания он напомнил, что частично социализация уже началась сразу после окончания войны, когда остановилась «военная машина», которая, подчинив себе доходы, труд, гражданские свободы, долго прикрывалась лозунгами о «национальном долге» [16, р. 6]. Её остановка уже привела к росту доходов рабочих и падению дохода капиталистов [16, р. 6]. Оставалось логически завершить перестройку «военной машины» компенсацией изъятого в годы войны имущества. Этот процесс должен быть связан с конфискацией военных доходов, законодательно закреплённым новой системой налоговых сборов. Его будущей целью министру виделась устойчивая связь доходов от капитала с растущими доходами от труда [16, р. 6]. Для Эрцбергера хороший министр финансов одновременно являлся лучшим министром социализации [16, р. 5].

Гугенберг, как и Эрцбергер, связал социализацию с чрезвычайным налогом, но нашёл другие аргументы: «На самом деле чрезвычайный налог имеет тенденцию стать не налогом, а законом о социализации» [20, р. 145]. Усилить свою позицию Гугенберг попытался словами социал-демократа Носке, произнесёнными 7 ноября в Хемнице, ясно давшими понять, что даже среди левого крыла собрания существовала неуверенность по отношению к инициативе Эрцбергера: «Нельзя ожидать скорого улучшения от

быстрой социализации, которую каждый понимает по-своему. Эксперименты приносят больше вреда, чем пользы. Фактически мы практикуем обширную социализацию, собирая деньги в виде налогов (налогов на имущество, налогов на наследство, имперских сборов) [...] За время своей работы Национальное собрание примет налоговые законы, которые распространятся на крупный капитал до 75, а то и до 80 процентов от общей стоимости имущества. Когда это случится, в большинстве случаев владелец крупной компании станет просто немного лучше оплачиваемым работником на службе у широкой общественности» [20, р. 146].

Бывший финансист концерна *Krupp* и опытный экономист Гугенберг заметил в социализации Эрцбергера ещё один важный нюанс, который напрямую затрагивал интересы акционеров; ссылаясь на чрезвычайный налог, который должен был собираться не только в денежном эквиваленте, но и в акциях, Гугенберг указал, что сама социализация будет стоить государству денег, хотя её наиважнейшая задача состояла в сборе средств для выплаты военных догов союзникам. Он отметил, что социализация может увеличить размер долга, «если в рамках экспроприации без компенсаций, – как чрезвычайный налог, который, на мой взгляд, противоречит конституционному праву собственности, – вместо погашения имперского долга будут сданы реальные активы» [20, р. 146]. Обращаясь к оппозиции и министру Эрцбергеру, Гугенберг намеренно эмоционально окрашивает свой тон, поскольку за этим выпадом следует довольно бурная реакция депутатов собрания: «Да, мои дорогие друзья, чего вы на самом деле хотите: Навести порядок в финансах рейха или их социализировать? Это две несовместимые вещи! Работа министра финансов – организовать финансы. Но это также и вопрос судьбы – судьбы всего народа. Министр финансов [...] подобен штурману, который в крайне

бедственном положении не думает о прямом курсе своего корабля» [20, р. 146].

После довольно эмоционального выступления Гугенберга и последовавшего за ним шума в зале, заседание было перенесено на следующий день. Однако 11 декабря Гугенберг вновь привлёк всеобщее внимание, когда попытался обрисовать последствия финансовых реформ Эрцбергера. В качестве наиболее эмоционально окрашенных пунктов своей речи он выбрал зависимость немецкой экономики от иностранного капитала, возвращавшую Германию к состоянию «средневековой деревни», у жителей которой ничего не было, кроме их труда. В такую деревню мог совсем скоро прийти иностранец, предложив крестьянам работу за мизерное вознаграждение. Эту работу жители, скорее всего, примут с благодарностью, потому что с ней иностранец приносил им еду [20, р. 146].

Второй эмоционально окрашенный аспект речи Гугенберга был связан уже не с крестьянством, а с рабочими. Ввиду того что владельцы крупных предприятий должны будут выплачивать свой долг государству, они, соответственно, станут понижать зарплаты рабочим. Если раньше некоторые из рабочих могли быть акционерами своих предприятий, то из-за изменения процентной ставки и инфляции, они рисковали оказаться должниками [20, р. 155]. Такая ситуация благоприятствовала не немецким рабочим, а американцам, которые «в нынешних условиях меньше чем за 25 долларов могут купить промышленных акций на тысячу марок» [20, р. 154].

Выступление Гугенберга завершило диалог с министром Эрцбергером. Для этого разговора Гугенберг использовал ещё один важный козырь. Он задал вопрос министру о том, как союзникам будет выплачена первая сумма военного долга, что означало выведение 30 миллиардов оборотных средств из деловой жизни в течение шести месяцев. Вопрос Гугенберга

состоял в том, могли ли налогоплательщики рассчитывать на возвращение части выплаченных налогов соразмерно ставкам и тарифам, заложенным в проекте о чрезвычайном налоге? Гугенберг спросил министра о том, гарантирует ли правительство тем собственникам, за счёт которых собиралось выплатить долг союзникам некий эквивалент в виде налоговых облигаций, освобождающих их от уплаты других видов налога? [20, р. 157] Прежде «налоговые облигации» (*Steueranleihe*) могли приобретаться частными лицами, которые освобождались от уплаты налога в зависимости от стоимости таких облигаций. В новых условиях, подобный эквивалент, по мнению Гугенберга, был попросту необходим, поскольку предотвращал «крах отдельных хозяйств» и выглядел «экономически более эффективным» способом защиты интересов собственников, чем «предложения правительства» [20, р. 157].

Ответ Эрцбергера продемонстрировал отсутствие чёткой позиции у правительства по этому вопросу. Министр попытался сначала уйти от прямого ответа, сославшись на то, что правительство уже приняло обязательство выплатить долг за счёт сбора налогов [20, р. 156]. Поскольку Гугенберг продолжал настаивать, Эрцбергер попытался отшутиться, назвав предполагаемый налоговый вычет «самым забавным видом принудительного кредита» [20, р. 157]. Ситуацию попытался изменить депутат от НДП Андреас Блунк, сославшись на правомерность вопроса Гугенберга, но связав его с будущим: «Похоже, что для национальной экономики это (эквивалентная выплата – авт.) менее важно, чем для частного сектора; те, у кого есть состояние, могут и должны платить, но доктор Гугенберг должен будет получить ответ, которое ему позже предоставит немецкий народ» [20, р. 157].

Спор Гугенберга с Эрцбергером в Национальном собрании отразил главное противоречие веймарской демократии. Проигравшая войну Германия,

оказавшись на грани катастрофы, и, рискуя быть попросту разделённой на сферы влияния под прямым управлением союзников, смогла избежать этого посредством замены существующего монархического строя на новую, республиканскую форму правления. Вместо единоличных решений кайзера ответственность за судьбу целой страны принял на себя немецкий народ в лице своих избранников. Однако, как оказалось, новый режим поддержали только лишь силы так называемой «веймарской коалиции» (СДП, Центр, НДП). Солидную оппозицию Веймару составили правые партии, объединившие самые разные элементы: от консервативно-монархического до национал-революционного фланга. Центром такой оппозиции в Национальном собрании стала ННП, отразившая интересы тех, кто был противником парламентско-республиканской системы и не желал расставаться с властью при новом режиме.

Зал Национального собрания часто превращался в арену не просто политических дебатов, как, например, дебаты о названии государства или его флаге, а в настоящие дуэли и поединки, когда участники использовали трибуну для сокрушительных речей в адрес своих политических оппонентов (Эрцбергер и Фёглер о пролонгации перемирия с Антантой, Эрцбергер и фон ГрEFE о подрывной работе в годы войны и «ударе в спину»). Ещё одна политическая дуэль между Гугенбергом и Эрцбергером, по сути, отразила печальный факт неготовности молодого государства к продолжению демократических преобразований, поэтому их активный сторонник, министр финансов, «достигший наибольших заслуг в парламентаризации государства» (Шульце), по существу оказался лишь тем, «на ком сошлось так много нитей» [32, р. 244].

В речах Гугенберга нашла отражение как политическая риторика пангерманизма о «враге», «предателях», «заботе о народе», «национальном величии», так и

реальные политические аргументы, соответствовавшие общему убеждению о необходимости перемен. В конкретных спорах, дискуссиях и заявлениях по частным вопросам формировались и дообработывались программы политических партий всех оттенков: от проектов лучшего государственного устройства до защиты групповых интересов. Однако, спор Гугенберга с Эрцбергером отразил общую тенденцию правых, по крайней мере, в первые годы Веймара, не созидать новое, увидев в нём своё место, а сохранить старое, существовавшее при монархии, чтобы на нём выстроить будущее. Тем не менее, Гугенберг, выражая интересы своей партии, смог использовать личный хозяйственный и административный опыт, обращая внимание на недоработки и явные противоречия эрцбергеровской реформы. Возможно, благодаря его настойчивой и в определённой мере конструктивной критике, некоторые из проектов министра, как, например, закон о

социализации, были отклонены.

Не выглядит достаточно убедительным и тезис британского историка Адама Туза о «бесполезности дискуссий в Национальном собрании» [5, с. 399], поскольку критика чрезвычайного налога все-таки достигла цели. После многочисленных поправок и дополнений, ссылаясь на «технические трудности» [17, р. 1891], закон был отменен в 1922 году. Истинными причинами отмены чрезвычайного налога стали непредвиденные, политические и социально нежелательные последствия. Мелкие собственники, которые уплатили налог сразу и без рассрочки, сильно пострадали, вопреки намерениям правительства, в то время как более крупные собственники смогли уклониться от значительной части налога за счёт вывода капитала за границу. Сумма самого налога также не была стабильной, а корректировалась из-за отсутствия согласованности у союзников о размере репарационных выплат.

Список литературы

1. Артамошин С.В. Июньский клуб как генератор антидемократического дискурса консервативной духовной элиты Веймарской республики // Исторический журнал: научные исследования. 2015. №3 (27). С.308-313.
2. Винклер Г. А. Веймар 1918-1933: История первой немецкой демократии / Г. А. Винклер. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 878 с.
3. Евдокимова Т.В. Правящая политическая элита веймарской Германии: Матиас Эрцбергер (1875-1921) // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2006. №11. С. 71-82.
4. Манчестер У. Оружие Круппа. История династии пушечных королей. М.: Прогресс, 1971. 487 с.
5. Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916-1931 / пер. с англ. А. Гуськова; под науч. ред. Е. Антоновой. М., 2019. 640 с.
6. Турыгин А.А. Пангерманский вариант проекта “Los von Rom”: к вопросу о выборе политической тактики // Христианство в общественной, политической и духовной жизни Германии в XX веке: сборник статей российских и немецких историков / отв. ред. К. Кроуфорд, Т.А. Некрасова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 93-101.
7. Alldeutsche Blätter. 29 Jahrgang, 1919.
8. Bonhard O. Geschichte des Alldeutschen Verbandep. Leipzig 1920. 291 p.
9. Brentano L. Das Reichsnotopfer und unsere Valuta // Berliner Tageblatt (48). 5. Dezember 1919. Nr. 580.
10. Deutsche Nationalversammlung. Die Reaktion gegen das Reichsnotopfer. - Berlin. 9. Dezember 1919 // Tageszeitung für die werktätige Bevölkerung des ganzen badischen

- Unterlandes (Bezirke Heidelberg bis Wertheim). 10. Dezember 1919. № 61. 1 Jahrgang.
11. Deutsches Gesetz über das Reichsnotopfer vom 31. Dezember 1919. (Reichs-Gesetzblatt. 1919 №. 252 P. 2189) // Public Finance Analysis. Vol. 37. №. 2. 1920. pp. 203-216.
 12. Die Deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919 in ihrer Arbeit für den Aufbau des neuen deutschen Volksstaates / Eduard Heilfron (Hrsg.). Bd. 5. Berlin: Norddeutsche Buchdruckerei und Verlagsanstalt, 1919. 3356 p.
 13. Die deutsche Revolution 1918-1919: Dokumente / Hrsg. von Gerhard A. Ritter und Suzanne Miller. Hamburg: Fischer Tabu, 1983. 502 p.
 14. Dörr M. Die Deutschnationale Volkspartei 1925 bis 1928. Marburg, 1964. 256 p.
 15. Epstein K. Matthias Erzberger and the dilemma of German democracy. Princeton: Princeton University Press, 1959. 473 p.
 16. Erzberger M. Einführungsrede, gehalten am 8. Juli 1919 in der Nationalversammlung // Reden zur Neuordnung des deutschen Finanzwesens. Berlin, 1919. pp. 3-15.
 17. Gablers Wirtschafts Lexikon / Hrsg. Reinhold Sellien, Helmut Sellien. Wiesbaden: Springer-Verlag, 1988. 3044 p.
 18. Gesetz über das Reichsnotopfer: vom 31. Dezember 1919 // Finanzarchiv. Jahrg. 37. Bd. 2. Stuttgart; Berlin: Cotta, 1920. pp. 203-216.
 19. Hubenberg A. Hugenberg gegen Erzberger: Reichsnotopfer - Sozialisierung – Ruhrgebiet. Berlin: K. Curtius, 1920. 32 p.
 20. Hugenberg A. Streiflichter aus Vergangenheit und Gegenwart. Berlin: Verlag August Scherl, 1927. 311 p.
 21. Hugenberg A., Wallbaum W. Sozialisierung: Reden der Abgeordneten Dr. Hugenberg und Wallbaum in der Deutschen Nationalversammlung in Weimar am 8. März 1919. Berlin: Deutschnationale Volkspartei, 1919. 64 p.
 22. Jackisch B. A. The Pan-German League and Radical Nationalist Politics in Interwar Germany, 1918-39. Burlington: Ashgate Publishing Company, 2012. 220 p.
 23. Krabbe W. Die Bismarckjugend der Deutschnationalen Partei // German Studies Review. 17. 1994. pp. 9-23.
 24. Liebe W. Die Deutschnationale Volkspartei 1918-1924. Düsseldorf, 1956. 190 p.
 25. Mergel T. Das Scheitern des deutschen Tory-Konservatismus. Die Umformung der DNVP zu einer rechtsradikalen Partei 1928-1932 // Historische Zeitschrift, 276 (1). pp. 323-268.
 26. Mommsen W. (Hrsg.). Deutsche Parteiprogramme. 3. Aufl. München, 1977. 313 p.
 27. Morsey R. Matthias Erzberger (1875-1921) // Zeitgeschichte in Lebensbildern. 1. pp. 103-112.
 28. Pleitgen V. Die Entwicklung des betriebswirtschaftlichen Rechnungswesens von 1890 bis 1940 am Beispiel der Firmen Krupp, Scheidt und Farina. Köln, 2005. 252 p.
 29. Ruge W. Deutschnationale Volkspartei 1918-1933 / Dieter Fricke (Hrsg.). Die bürgerliche Parteien in Deutschland. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlichen Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Berlin, 1968. pp. 715-753.
 30. Schellhorn M. "Mit dem Zentrum niemals!" Alfred Hugenberg und die Deutsche Zentrumspartei in der Endphase der Weimarer Republik (1928-1933) // Historisch-politische Mitteilungen. Archiv für Christlich-Demokratische Politik. Band 26 / Th. Brechenmacher, G. Buchstab, H.-O. Kleinmann, H. J. Küsters, M. Borchard (Hrsg.). Köln: Böhlau Verlag, 2020. pp. 27-64.
 31. Schmidt-Essen A. Reichseinkommensteuer und Einheitsstaat // Wirtschaftsdienst. Zeitschrift für Wirtschaftspolitik. Nr. 29. vom 18. Juli 1919. Hamburg, 1919. pp. 543-544.
 32. Schulze H. Weimar: Deutschland, 1917-1933. Berlin: Severin und Siedler, 1982.

464 p.

33. Simon C. Heinz Brauweiler. Eine politische Biographie im Zeichen des antidemokratischen Denkens / Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades der Doktorin der Philosophie (Dr. phil.) eingereicht im Fachbereich Gesellschaftswissenschaften an der Universität Kassel. Kassel, 2016. 266 p.

34. Thimme A. Flucht in den Mythop. Die Deutschnationale Volkspartei und die Niederlage von 1918. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 196 p.

35. Verhandlungen der verfassungsgebende Nationalversammlung. Stenographische Berichte. Anlagen zu den Stenographischen Berichten. Von der 1. Sitzung am 6. Februar 1919 bis zur 26. Sitzung am 12. März 1919. Berlin, 1920. 2083 p.

36. Winkler H.-A. Weimar 1918-1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München: C.H.Beck, 2005. 709 p.

HUGENBERG CONTRA ERZBERGER: CRITICISM OF THE FINANCIAL REFORM OF THE REICHSMINISTER IN THE WEIMAR NATIONAL ASSEMBLY

The article deals with the criticism of the financial reform of Reich Minister Matthias Erzberger in the Weimar National Assembly from the right-wing parties that expressed the interests of big proprietors and the industrial elite. Erzberger, seeking to create a centralized tax system, has come across consistent criticism from the leader of the radical wing of the German National People's Party faction Alfred Hugenberg, a Pan-German, experienced financier and former head of the Friedrich Krupp AG concern. The Hugenberg's criticism, who was seeking to make a political career, were the draft laws on socialization and emergency tax, submitted to the deputies of the National Assembly. The campaign against Erzberger, accompanied by sharp attacks and widespread public condemnation, ended with the rejection of part of the Reich Minister's law drafts and the subsequent resignation. The analysis of the published political speeches of Hugenberg and materials from periodicals shed light on the specifics of parliamentary discussions, allowing to reveal the arguments of the right against the continuation of democratization of the Weimar Republic in the early years of its existence.

Keywords: Alfred Hugenberg, Matthias Erzberger, emergency tax, socialization law, German National People's Party, Center Party, Weimar Republic, National Assembly, electionp.

References

1. Artamoshin P.V. Iyun'skij klub kak generator antidemokraticeskogo diskursa konservativnoj duhovnoj elity Vejmarskoj respubliki // Istoriceskij zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2015. №3 (27). pp.308-313.

2. Vinkler G. A. Vejmar 1918-1933: Istorija pervoj nemeckoj demokratii / G. A. Vinkler. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2013. – 878 p.

3. Evdokimova T.V. Pravyashchaya politicheskaya elita vejmarskoj Germanii: Matias Erzberger (1875-1921) // Vestnik VolGU. Ser. 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2006. №11. pp. 71-82.

4. Manchester U. Oruzhie Kruppa. Istorija dinastii pushechnyh korolej. M.: Progress, 1971. 487 p.

5. Tuz A. Vsemirnyj potop. Velikaya vojna i pereustrojstvo mirovogo poryadka, 1916-1931 / per. s angl. A. Gus'kova; pod nauch. red. E. Antonovoj. M., 2019. 640 p.

6. Turygin A.A. Pangermanskij variant proekta "Los von Rom": k voprosu o vybore politicheskoi taktiki // Hristianstvo v obshchestvennoj, politicheskoi i duhovnoj zhizni Germanii v HKH veke: sbornik statej rossijskih i nemeckih istorikov / otv. red. K. Krouford, T.A. Nekrasova. M.; Berlin: Direkt-Media, 2017. pp. 93-101.

7. Alldeutsche Blätter. 29 Jahrgang, 1919.

8. Bonhard O. Geschichte des Alldeutschen Verbandes. Leipzig 1920. 291 p.

9. Brentano L. Das Reichsnotopfer und unsere Valuta // Berliner Tageblatt (48). 5. Dezember 1919. Nr. 580.

10. Deutsche Nationalversammlung. Die Reaktion gegen das Reichsnotopfer. - Berlin. 9. Dezember 1919 // Tageszeitung für die werktätige Bevölkerung des ganzen badischen Unterlandes (Bezirke Heidelberg bis Wertheim). 10. Dezember 1919. № 61. 1 Jahrgang.
11. Deutsches Gesetz über das Reichsnotopfer vom 31. Dezember 1919. (Reichs-Gesetzblatt. 1919 №. 252 P. 2189) // Public Finance Analysis. Vol. 37. №. 2. 1920. pp. 203-216.
12. Die Deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919 in ihrer Arbeit für den Aufbau des neuen deutschen Volksstaates / Eduard Heilfron (Hrsg.). Bd. 5. Berlin: Norddeutsche Buchdruckerei und Verlagsanstalt, 1919. 3356 p.
13. Die deutsche Revolution 1918-1919: Dokumente / Hrsg. von Gerhard A. Ritter und Suzanne Miller. Hamburg: Fischer Tabu, 1983. 502 p.
14. Dörr M. Die Deutschnationale Volkspartei 1925 bis 1928. Marburg, 1964. 256 p.
15. Epstein K. Matthias Erzberger and the dilemma of German democracy. Princeton: Princeton University Press, 1959. 473 p.
16. Erzberger M. Einführungsrede, gehalten am 8. Juli 1919 in der Nationalversammlung // Reden zur Neuordnung des deutschen Finanzwesens. Berlin, 1919. pp. 3-15.
17. Gablers Wirtschafts Lexikon / Hrsg. Reinhold Sellien, Helmut Sellien. Wiesbaden: Springer-Verlag, 1988. 3044 p.
18. Gesetz über das Reichsnotopfer: vom 31. Dezember 1919 // Finanzarchiv. Jahrg. 37. Bd. 2. Stuttgart; Berlin: Cotta, 1920. pp. 203-216.
19. Hugenberg A. Hugenberg gegen Erzberger: Reichsnotopfer - Sozialisierung – Ruhrgebiet. Berlin: K. Curtius, 1920. 32 p.
20. Hugenberg A. Streiflichter aus Vergangenheit und Gegenwart. Berlin: Verlag August Scherl, 1927. 311 p.
21. Hugenberg A., Wallbaum W. Sozialisierung: Reden der Abgeordneten Dr. Hugenberg und Wallbaum in der Deutschen Nationalversammlung in Weimar am 8. März 1919. Berlin: Deutschnationale Volkspartei, 1919. 64 p.
22. Jackisch B. A. The Pan-German League and Radical Nationalist Politics in Interwar Germany, 1918-39. Burlington: Ashgate Publishing Company, 2012. 220 p.
23. Krabbe W. Die Bismarckjugend der Deutschnationalen Partei // German Studies Review. 17. 1994. pp. 9-23.
24. Liebe W. Die Deutschnationale Volkspartei 1918-1924. Düsseldorf, 1956. 190 p.
25. Mergel T. Das Scheitern des deutschen Tory-Konservatismus. Die Umformung der DNVP zu einer rechtsradikalen Partei 1928-1932 // Historische Zeitschrift, 276 (1). pp. 323-268.
26. Mommsen W. (Hrsg.). Deutsche Parteiprogramme. 3. Aufl. München, 1977. 313 p.
27. Morsey R. Matthias Erzberger (1875-1921) // Zeitgeschichte in Lebensbildern. 1. pp. 103-112.
28. Pleitgen V. Die Entwicklung des betriebswirtschaftlichen Rechnungswesens von 1890 bis 1940 am Beispiel der Firmen Krupp, Scheidt und Farina. Köln, 2005. 252 p.
29. Ruge W. Deutschnationale Volkspartei 1918-1933 / Dieter Fricke (Hrsg.). Die bürgerliche Parteien in Deutschland. Handbuch der Geschichte der bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlichen Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Berlin, 1968. pp. 715-753.
30. Schellhorn M. "Mit dem Zentrum niemals!" Alfred Hugenberg und die Deutsche Zentrumspartei in der Endphase der Weimarer Republik (1928-1933) // Historisch-politische Mitteilungen. Archiv für Christlich-Demokratische Politik. Band 26 / Th. Brechenmacher, G. Buchstab, H.-O. Kleinmann, H. J. Küsters, M. Borchard (Hrsg.). Köln: Böhlau Verlag, 2020. pp. 27-64.
31. Schmidt-Essen A. Reichseinkommensteuer und Einheitsstaat // Wirtschaftsdienst.

Zeitschrift für Wirtschaftspolitik. Nr. 29. vom 18. Juli 1919. Hamburg, 1919. pp. 543-544.

32. Schulze H. Weimar: Deutschland, 1917-1933. Berlin: Severin und Siedler, 1982. 464 p.

33. Simon C. Heinz Brauweiler. Eine politische Biographie im Zeichen des antidemokratischen Denkens / Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades der Doktorin der Philosophie (Dr. phil.) eingereicht im Fachbereich Gesellschaftswissenschaften an der Universität Kassel. Kassel, 2016. 266 p.

34. Thimme A. Flucht in den Mythop. Die Deutschnationale Volkspartei und die Niederlage von 1918. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969. 196 p.

35. Verhandlungen der verfassungsgebende Nationalversammlung. Stenographische Berichte. Anlagen zu den Stenographischen Berichten. Von der 1. Sitzung am 6. Februar 1919 bis zur 26. Sitzung am 12. März 1919. Berlin, 1920. 2083 p.

36. Winkler H.-A. Weimar 1918-1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München: C.H.Beck, 2005. 709 p.

Об авторе

Турьгин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Костромской государственной университет (Россия), E-mail: aturigin@mail.ru

Turygin Alexander Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences, Docent, Docent of the Department of History, Kostroma State University (Russia), E-mail: aturigin@mail.ru